

ЗАГЛЯНУТЬ В СУДЬБУ

*Татьяна Шапошникова. Багатель. Санкт-Петербург:
Геликон Плюс. 2020*

Материя жизни, тема «жизнь» для любого художника универсальна и неисчерпаема, и посредством слова написанного и слова звучащего он адресуется и к людям, современникам и потомкам, и к самому себе.

Жизнь внутреннего мира человека не всегда напрямую соотносится с миром внешним, с той трехмерной привычной реальностью, в которой, собственно, все и происходит – праздники, будни, трагедии и радости. Быт и бытие смешиваются, крепко соединяются в неуклонном ходе каждой жизни; люди не отшельники, они живут среди людей, и проблемы пресловутого социума подчас наваливаются на них, не давая желанной свободы и счастья, о котором так все мечтают.

Татьяна Шапошникова, писатель из Санкт-Петербурга, недавно показала читателям свою серьезную работу в прозе – «Багатель». Это сборник, в нем рассказы и повести – для русской и мировой литературы, пожалуй, наиболее трудный жанр. Трудность его в том, что внутри этого жанра надо уметь так концентрировать художественные образы, события, изображение мира и психологию человека, чтобы, как в лирическом стихотворении, одновременно высказать личное, лирическое, остро-наболевшее, нежно-тайное, и обратиться, при помощи великолепного инструмента – русского Логоса, – к огромному, вполне эпическому и даже космическому объему пространства-времени.

...Человек живет в пространстве и во времени. Трагедия всепожирающего Хроноса, с виду такого благосклонного к иным из нас, к счастливым, к баловням судьбы, и жестоко казнящего неудачников, там и сям всплывает в текстах Татьяны Шапошниковой. Фиксация событийности и проникновение в высокую образность, в неистощимую работу духа – разные текстовые области, и у них разная феноменология.

Женская душа и женская судьба во все времена привлекали писателей, быть может, более, чем судьба героя-мужчины. Традиции петербургской литературы, петербургской повести, петербургского рассказа классической поры русской литературы – Золотого ее века и Серебряного века – культурным эхом отзываются и в прозе Шапошниковой: ясен, хорошо заметен акцент, поставленный на психологические подробности, на погружение в драматизм неумолимого хода времен (и здесь автору не обойтись без изображения боли и отчаяния старости и драматизма неизбежного нашего ухода из этого мира, без картин супружеской жизни, в которой не редкость измены, расставания и возвращения, и, конечно же, без мучительных переживаний матери за своих детей – и нагло-равнодушных детей, жестоко и даже жестоко не

желающих понять родителей...), на разворачивание гигантского веера простой, обыденной жизни, что на поверку, в ракурсе внимания художника, под недреманным оком его оптики оказывается жизнью более чем непростой.

Эмоциональная многослойность, обращение к самым болезненным точкам современной семьи... Мир очень изменился. И автор бесстрашно показывает нам эти трагические изменения, чтобы мы над ними крепко задумались. По сути, эти рассказы и повести – семейные мини-романы, психологические короткометражки с пугающей концентрацией боли и страдания главных героев.

* * *

Человек и раньше убивал человека; но теперь это, как выясняется, сделать намного проще. И не на войне. И не в жестокой драке. И не бандиту. И не разбойнику с большой дороги. А простой женщине из простой семьи, в простой типовой городской квартире. Она просто очень больна, и смертельно болен ее отец, у которого есть деньги: ее наследство. И женщина, опять-таки очень просто, не дает отцу в урочный час спасительное лекарство, пытаясь обречь его на смерть.

Конечно, никто не узнает, что она убила... И тем не менее уже знали все. Деревья, дома, перегретый воздух, остывающий местами асфальт. И все они, не умея говорить, все равно сообщали ей об этом («Маленькая история жизни Иры Личак»).

Но финал, почти как в детективах, неожидан и парадоксален. Героиню повести, Ирину, изумляет то, что отец остается жив: у него припрятано спасительное снадобье; Ирине, после пережитого потрясения, это становится важно для всей ее последующей жизни и для нового осмысления веры в Бога (и своего плавания в людском море...), но нам, быть может, это уже неважно. Слишком болезненна эта нравственная читательская травма, когда понимаешь: человек способен на все в отношении близкого человека, – а главное, ты сам, сторонний наблюдатель, не можешь сразу и легко его простить.

В книге то и дело поднимаются вопросы здоровья – в переводе на мифологический язык, жизни и смерти. Жизнь-смерть – древнейший архетип. Это предвечный мифологический брак, крепчайший союз двух мировых, бытийных констант; Катю, врача-психиатра, саму настигает сумасшествие, она осознает свою патологию, и это тем более мучительно, чем более невыносимой становится вся жизнь вокруг нее: сын-самоубийца, ненависть дочери любимого человека... Хэппи-энд ничего не спасает. Слабая нежная улыбка финала, где Коссович, возлюбленный, делает Кате предложение и она соглашается выйти за него замуж, заслоняется мрачными «достоевскими» страницами, где воссозданы самоубийство первой жены Коссовича Наташи и добровольный уход из жизни Катиного сына Алешки, «Божьего человека».

Катя понимала, что немилосердно тянет с выздоровлением. Будучи врачом, она знала, что здорова, но всячески оттягивала наступление момента, которого так ждали ее родные и те немногие из друзей, которые ее еще не забыли после того, что произошло: когда она понемногу, шаг за шагом, начнет возвращаться в прежнюю жизнь («Созданы друг для друга»).

Возвращение в прежнюю жизнь! Да ведь это мифологическая позиция. Во всех мифах всех культур явления возвращались на круги своя. Мир был цикличен и необъясним. Годовое кольцо крутилось и замыкалось. Автор словно бы тихо говорит, нам на ухо: счастье циклично, и горе возвращается, и, прямо по Екклесиасту, нет ничего нового под солнцем.

Жизнь и смерть в текстах Татьяны Шапошниковой продолжают чередоваться. Во главу угла текста, неторопливого, стилистически выверенного, с упорно сохраняемой скорбной интонацией, с похоронной поступью композиционного метроритма и гармонией великой печали позднего Бетховена и позднего Тютчева, поставлена почти детская растерянность человека перед ликом неумолимой смерти.

Вот героиня Лера хоронит любимого Славика, сидит на поминках, как в тумане.

Надеясь на облегчение и в то же время уже ни во что не веря, Лера кричала, что не может больше видеть эти приспособления из магазина «Медтехника». Имелись в виду главным образом поручни, костыли, кресло. Орала про поручни и не верила, что его больше нет. Как это – нет? Он в морге. А они все почему-то – здесь («Первая любовь»).

Да, правда, почему люди здесь? А потому, что здесь торжество жизни.

Писательница рельефно показывает нам (не доказывает; лучшее доказательство – сама плоть, и кровь, и дух этой прозы), что счастливое бытие часто наказуемо, а печальное существование – привычно, традиционно, почти обрядово; что жизненная борьба не влияет на внезапные повороты судьбы; что судьба, ее феномен, как ни странно, в природе есть, она реальна – и от нее не уйдешь даже в наш всецело вариабельный, хитрый, изолгавшийся, дипломатично-приспособленческий век.

А человек порою хочет, но не может приспособиться к самому себе. Он, как бы там ни было, исполняет на земле собственное предназначение: быть таким, а не другим, дышать так, а не иначе. И слава Богу.

Личность – это лик. Это единственность. Это уникальность.

Нравственность, грех, верность, измена... Вечные темы, да. И для женщин, и для мужчин слишком насущные; из этих кирпичей, подводных камней складывается громоздкая необъяснимая, фантастическая архитектура, многофигурный город семейной жизни, который вдруг может катастрофически опуститься на дно бытия и стать новой социальной Атлантидой. Автор не погружает нас в унылую рефлекссию, не злоупотребляет цветистыми описаниями любви или вражды, а просто показывает очевидное, констатирует нравственный и чувственный факт, который давно уже стал классикой достигнутого счастья:

Странно, но почему-то именно запретная любовь и выходила настоящей. Любовь, которая не имеет права быть, ничем не владеет в своем основании и ничего не может потребовать – и которая, может быть, именно поэтому никогда не бывает печалью, но всегда только радостью («Первая любовь»).

Вечная радость! Разве такое возможно? Не есть ли она всего лишь мечта, изрядно подогретая нашей страстью, нашими безумными, будто наспех, поцелуями и нашей торопливой, на скорую руку, заботой друг о друге?

А где же человечность, где добро? Вот никому не нужный, несчастный старик. Он прошел войну из конца в конец. Ветеран. Блокада Ленинграда, эшелоны, жестокая метель Ладоги... Героиня рассказа спрашивает себя:

Могу ли я что-то сделать для него? Ведь я не дочь, не внучка. Мое подленькое второе «я» немедленно кивнуло: «Можешь. Ты можешь снять квартиру в Петергофе на три летних месяца и приходить к нему каждый день. Денег в обрез, это правда, но на съём хватит». Но... Но я еще никогда в жизни не видела, чтобы кто-то поступал так... («Мой герой»).

Мы часто стесняемся добра и любви. Они для нас вроде вызывающего, на видном месте, клейма. Мы предпочитаем жить тихо-скромно, не высываясь, как говорится, «не засвечиваясь». Но хорошо ли это? Вернее, так: честно ли это?

* * *

Татьяна Шапошникова, владея искусством, искусством слова, мастерски, а порою даже виртуозно, выходит в своей прозе на крупные нравственные вопросы. Она идет от искусства – к поведению человека, от метафоры – к осознанию жизненного пути и себя в мире, от точных наблюдений и умело прорисованных деталей – к несомненному выбору этической позиции.

Если рассмотреть рассказы и повести «Багатели» как цельное произведение, как крепко сбитый сборник, мы увидим: у автора есть узнаваемая интонация, излюбленные методы повествования, складывающиеся в экспозицию собственного стиля, и любимые композиционные приемы. Интонация эта – спокойная, внутренне драматическая, вербально сдержанная и одновременно музыкально-изысканная, эмоционально скорбная. Радость и праздник тут не присутствуют даже для желанного динамического контраста.

Да, это минорный, дождливый, ледяной, трагический Питер! Но иной раз в этой симфонии человеческих печалей хочется услышать иные ноты: либо взрывоопасные, безумно-яркие – в изображении трагедии, глубины и бури страстей, или безудержно-счастливые – в искреннем показе откровенного счастья. Да, не хватает контрастных положений жизни: она вся, в любом ее повороте, на любом гребне и в любой тихой заводи, здесь беспредельно печальна.

Что ж, таково мировосприятие автора. Шапошникова – певец человеческой драмы, художник трагических коллизий, но все ее истории, семейные, любовные, остро-социальные, написаны в приглушенных, настраивающих на горе и горечь тонах ненастной питерской осени.

Это то, что можно назвать фундаментальным колоритом прозы Шапошниковой. И на фоне этой горестной тоски, под шум вечных северных косых дождей Татьяна Шапошникова создает свою неповторимую элегическую мифологию; ее лейтмотив – дыхание вечной печали бытия, и цель звучания этого нежного мотива, поющего о Невозвратном, – заставить людей не только сокрушаться о судьбах героев, но и внимательно, медитативно заглянуть внутрь себя.

В свою судьбу.